

Юйчи Хань, заметив взгляд мужчины, незаметно шагнул вперёд, заслонив непристойный взгляд, и с лёгким поклоном протянул руку:

— Лавочник Ван, прошу.

Лавочник Ван фыркнул и направился внутрь, но перед тем как войти, оглянулся и бросил взгляд на Се Се, в глазах его загорелся недобрый огонёк.

Се Се потёр руку, почувствовав холодок по спине. Как заядлый домосед, да ещё и тот, кто при любом удобном случае включает громкую музыку в машине, он прекрасно понимал, что означал этот взгляд Лавочника Вана. Ему хотелось заплакать, но слёз не было, и он лишь про себя подумал: «Всё из-за моей слишком привлекательной внешности».

Спустя время Тянь Цин подала счёт. Се Се, подсчитывая, качал головой, думая, что сегодняшний богач действительно оказался в дураках.

Постепенно прибывало всё больше гостей, и Се Се, закончив с расчётами, снова тайком достал «Вестник Багуа» и начал читать.

Перелистнув страницу, где рассказывалось о том, сколько наложниц имел бывший глава Альянса Улинь, он обнаружил, что текст занимал мало места, зато большая часть страницы была занята иллюстрацией. Его взгляд задержался на этой удивительно живой картинке, и в правом нижнем углу он заметил крошечную подпись.

— Юй Юаньбай.

Юй Юаньбай? Это имя художника? Оно вполне соответствовало его стилю.

Погружённый в свои мысли, Се Се не заметил, как мимо него, гневно фыркнув, прошёл Лавочник Ван и вышел из заведения.

Через некоторое время Юйчи Хань вышел из внутреннего двора с изящной походкой и подошёл к Се Се:

— Хозяин, счёт.

Се Се поднял голову и, увидев, что счёт просит именно Юйчи Хань, слегка изменился в лице:

— Ты оплачиваешь?

Юйчи Хань кивнул:

— Да.

— Но разве не тот человек заказывал блюда? — Се Се, вспомнив пугающую сумму в счёте, неохотно протянул его. Ведь этот человек только что помог ему, а теперь вот хочет его обмануть. Разве это по-человечески?

— Когда выходишь со старшими, счёт оплачивает младший, — мягко улыбнулся Юйчи Хань.

— Ладно, — Се Се, чихнув от аромата османтуса, протянул счёт Юйчи Ханю. — Взгляни.

Юйчи Хань взял счёт, пошевелил ноздрями и вдруг спросил:

— Османтусовые пирожные?

Се Се, увидев, что он смотрит на пирожные на блюде, кивнул:

— Да, Тетушка Чу приготовила их сегодня утром. Они очень вкусные, но осталось только одно. Хочешь попробовать?

Юйчи Хань лишь на мгновение заколебался, после чего протянул руку с чёткими костяшками пальцев, взял пирожное и положил его в рот.

Османтусовое пирожное было сладким, но не приторным, упругим, но не липким, а после проглатывания оставляло приятное послевкусие.

Юйчи Хань, опустив взгляд на счёт, улыбнулся:

— Вкусно, у поварихи отличное мастерство!

Се Се почувствовал лёгкое смущение:

— Всего восемь лянов и шесть цзяней...

Юйчи Хань, казалось, даже не заметил, что цена была завышена, и без колебаний расплатился, но задержался у стойки, не уходя.

Се Се моргнул:

— Ну... добро пожаловать в следующий раз?

— Конечно, — наконец улыбнулся Юйчи Хань и ушёл.

Весь день Се Се провёл в угрызениях совести, превращая чувство вины в аппетит и съев за ужином три большие миски, после чего почувствовал тяжесть в животе и начал ходить кругами, чтобы переварить пищу.

Когда он уже почти переварил еду и собирался принять ванну, обернувшись, он увидел Вэнь Мана, сидящего на каменной скамье, на столе перед которым стояла лампа, а также бумага, кисть и чернила.

Вэнь Мань, увидев, что Се Се подошёл, встал:

— У меня есть просьба.

— Ты хочешь научиться писать?

Вэнь Мань кивнул.

Се Се улыбнулся:

— Я сразу понял по твоей позе. Ну что, я умный, да?

Вэнь Мань ничего не сказал и снова сел.

Се Се сел рядом с ним, обмакнул кисть в чернила и вручил её Вэнь Маню:

— Тогда начнём с цифр. Ты умеешь писать «один»?

Едва он закончил говорить, как Вэнь Мань резко провёл кистью по бумаге, оставив на ней ужасную линию.

Кисть была прижата к бумаге всем своим ворсом, и он провёл её по всей длине, оставив на белоснежном листе уродливую черту.

— ... — Се Се поправил его хватку кисти. — Держи кисть кончиками пальцев, не сжимай её всей рукой. Затем слегка коснись бумаги и медленно проведи линию. Не нужно сильно давить.

Вэнь Мань, следуя его указаниям, аккуратно повторил действие, и после нескольких попыток наконец написал более-менее приличный иероглиф «один».

Се Се подул на чернила, чтобы они высохли, а затем достал чистый лист бумаги:

— А «два» умеешь писать?

Вэнь Мань нарисовал две линии.

— А «три»?

Вэнь Мань добавил третью линию под «два».

— А «четыре»?

Вэнь Мань подумал, а затем медленно, очень медленно добавил четвёртую линию под «три».

— Пфф... Ха-ха-ха! — Се Се, глядя на серьёзное выражение лица Вэнь Мана, не смог сдержать смеха.

— ? — Вэнь Мань с недоумением повернул голову, а Се Се, смеясь, подрагивал плечами. Слабый свет лампы окутывал их обоих, и, поскольку они сидели слишком близко, Вэнь Мань почувствовал, как тёплое дыхание Се Се касается его уха. В этот момент он больше не слышал ничего, кроме мягкого смеха Се Се, и в его глазах не было ничего, кроме яркой улыбки Се Се.

Се Се совершенно не заметил, как между ними возникла лёгкая атмосфера, и, выхватив кисть из рук Вэнь Мана, написал на бумаге иероглиф «четыре».

— Видишь? Вот это «четыре». Снаружи квадрат, а внутри «ребёнок».

Вэнь Мань кивнул, а кончики его ушей, покрасневшие от света лампы, стали ещё краснее.

Вэнь Мань оказался очень способным и быстро выучил цифры от одного до десяти. Оба решили, что на сегодня хватит, а остальное оставили на завтра. Се Се попросил его убрать вещи, а сам, опершись на скамью, поднял голову к небу:

— Эй, Вэнь Мань, а почему ты вдруг решил научиться писать?

Спустя долгое время тихо прозвучал ответ Вэнь Мана:

— Чтобы больше не дать себя обмануть Дядюшке Ян.

Се Се снова засмеялся.

На следующий вечер в заведение зашёл странный гость. Он был одет в простую чёрную одежду, длинные волосы были аккуратно собраны сзади, а на поясе с обеих сторон висели меч и нож, ножны которых были украшены древними и изысканными узорами. Он вошёл с угрюмым лицом, его тёмные глаза были как мёртвая вода, в которой ничего не отражалось.

Когда он сел, Ди Чжо, стоявший рядом, хотел что-то сказать, но был прерван слугой, который попросил Ди Чжо приготовить две комнаты и подать несколько блюд, после чего отпустил его.

Когда все блюда были поданы, человек даже не притронулся к палочкам для еды. Слуга, казалось, уже привык к такому поведению, расставил палочки и миску, а затем позвал его

поест. Он позвал его четыре или пять раз, прежде чем тот, наконец, услышал, взял палочки, съел пару кусочков и снова остановился.

Се Се с любопытством наблюдал за ним, думая, о чём же этот человек так глубоко задумался, что даже забыл поесть.

Он просидел так до самого закрытия заведения, и слуга, вздохнув, попросил Ди Чжо убрать блюда.

— Брат Се, что ты так внимательно рассматриваешь? — Юйчи Хань, держа в руках две книги, подошёл к стойке с улыбкой.

— Ничего, ты уходишь? — Се Се отвёл взгляд и посмотрел на Юйчи Ханя.

Юйчи Хань кивнул:

— Ваше заведение закрывается, если я останусь, меня выгонят!

Се Се, смеясь, покачал головой и выписал счёт Юйчи Ханю.

Юйчи Хань оглядел стойку:

— Сегодня нет османтусовых пирожных?

Се Се на мгновение замер, украдкой взглянув на Вэнь Мана, стоящего у двери, и тихо сказал:

— Этот парень слишком много ест, сегодня утром он один съел три тарелки! Не волнуйся, завтра я обязательно оставлю тебе, хватит на всех!

— Это нехорошо, благородный человек не отнимает то, что любит другой, — Юйчи Хань, глядя на таинственный вид Се Се, с улыбкой в глазах, нашёл это забавным.

— Да ну, — махнул рукой Се Се. — Когда отнимаешь чужое, просто не считай себя благородным.

Юйчи Хань рассмеялся, и низкий смех вырвался из его горла:

— Тогда я пойду, завтра вернусь.

Се Се поспешно согласился:

— Иди, иди.

Едва Юйчи Хань вышел за дверь, как Вэнь Мань захлопнул её с такой силой, что звук удара оглушил всех. Се Се почесал ухо, а из внутреннего двора донёлся голос Дядюшки Яна, полный сожаления:

— Вэнь Мань! Будь поаккуратнее!

Вэнь Мань сделал вид, что не слышит, задвинул засов и твёрдо решил, что завтра утром съест все османтусовые пирожные до последнего.

<http://bllate.org/book/15515/1378282>